

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРИЛЛЕР

АННА БОГСТАМ

ОЧЕВИДЕЦ

МОСКВА
2020

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Б73

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Anna Bågstam

ÖGONVITTNET

Ögonvittnet © Anna Bågstam, first published by Norstedts,
Sweden, in 2018.

Published by agreement with Norstedts Agency.

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *Я. Паламарчук*

Богстам, Анна.

Б73 Очевидец / Анна Богстам ; [перевод со шведского
А. Нордштрема.] — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110405-4

В живописной рыбацкой деревушке Лервикен совершено жестокое преступление. Найден труп женщины, убийца приклеил ей веки скотчем, словно не желая, чтобы она закрывала глаза перед лицом смерти.

Харриет оставила жизнь в Стокгольме и вернулась в дом своего детства, получив работу в полицейском участке. Но жизнь в Лервикене оказывается далека от ностальгических воспоминаний, а новые коллеги не принимают ее всерьез. Харриет намерена в одиночестве вскрывать нарывы давних тайн идиллического городка.

«Очевидец» — это захватывающий стремительный сюжет, эффектная атмосфера скандинавской провинции и главная героиня, которая не может не понравиться, — обычная женщина, которая решила довериться инстинкту и идти своим путем.

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

© Нордштрем А., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110405-4

Воскресенье, 27 августа 2017 года

Маргарета должно быть просто сошла с ума. Неужели Харриет придется начать работать на новом месте в воскресенье? С каких это пор вольнонаемные дознаватели работают в полиции по выходным? Она перечитывает эсэмэску:

Харриет, я пыталась тебе звонить раньше, но твой телефон, кажется, отключен. Можешь прийти на работу уже завтра, пока. Маргарета Блад.

Сообщение было отправлено в 22:37 в субботу. Либо ее новая начальница трудоголик, либо работа в выходные дни стала нормой в провинции Сконе после реорганизации полиции, раздумывает Харриет и убирает телефон в сумку.

Раннее утро, выпел на флагштоке у соседки Ивонн трепещет на ветру. Море усеяно белыми барашками, и легкий бриз доносит из гавани слабый запах старых водорослей. Харриет осторожно придерживает дверь, давая ей закрыться бесшумно, и крадется вдоль садовой дорожки, выложенной камнями. Щелкает замок двери серебристого «Сааба», стоящего на въезде в гараж, и Харриет бросает последний взгляд на побеленный известью каменный дом своего отца.

Когда-то это был простой рыбацкий домишко, но семья росла, пристраивались новые комнаты, и постепенно из квадратного домик превратился в типичное для Сконе продолговатое строение. Черно-белый дом красиво смотрится на фоне поросшего травой крутого склона, который обрывается у самого берега.

Мальвы вымахали чуть ли не до конька крыши и застилают окна, но Харриет все равно видит, что свет не

горит. Ни ее папа Эушен, ни овчарка Като еще не пронулись.

Харриет снова вытаскивает мобильный. Неудивительно, что ее будущая начальница не смогла ей позвонить. Роуминг там, где живет ее отец, в Лервикене, скверный и связь плохая. Сообщения еще проходят, а вот позвониться никак нельзя. *Нас, живущих в деревне, это никак не трогает*, — всегда в таких случаях говорит Ивонн, любовно кивая в сторону Эушена, когда они сидят летними вечерами в саду за традиционным послеобеденным кофе. Ивонн жила в кирпичном доме красновато-ржавого цвета по соседству с Эушеном так давно, насколько вообще простираются воспоминания Харриет, а ей все еще не исполнилось и пятидесяти. Значит, во времена детства Харриет она была совсем юной, но даже и в ее детских воспоминаниях Ивонн казалась ей намного старше ее собственной мамы, Йорун. Может быть, потому, что Ивонн всегда говорила и ценила то, что нравится людям постарше. *Мы тут живем спокойной жизнью, и я, и Эушен, и все остальные. Когда на светофоре загорается желтый свет, все обычно жмут на газ, а мы тут, в Лервикене, наоборот, снижаем скорость*, — любила она повторять.

Как только Харриет выезжает на автомагистраль, то до упора нажимает на педаль газа и оставляет деревушку за спиной. Меньше чем через четверть часа она уже будет у здания полиции в городе Ландскруна.

Дальше от побережья ширятся поля, на границах между ними там и сям виднеются усадьбы за группами деревьев. Урожай уже собран, и ландшафт напоминает лоскутное одеяло. Харриет сворачивает на дорогу, которая идет вдоль побережья. Весь берег окантован рыбацкими деревушками. Похожими на ее Лервикен, «Глиняную бухту». Когда-то здесь добывали глину, которой снабжали в прошлом веке кирпичный завод. Сегодня только глубокие наполненные водой котлованы напоминают об ушедших временах.

Это самое красивое место на земле, а то и во всей Вселенной, думает Харриет. Она сделала правильный

выбор. На секунду она отрывает взгляд от белой линии разметки по центру шоссе и окидывает взором убегающие за окнами зеленые долины, поросшие травой. Видит коричнево-белых коров на лугах, а на горизонте, в центре тихо колеблющихся вод пролива Эресунн, вращающиеся лопасти ветряков и очертания моста, ведущего в Данию.

Южный регион Швеции сделал ставку на «гражданских» следователей в полиции, и этим шансом воспользовалась Харриет, чтобы поработать с чем-то другим, а не только с кражами и сбившейся с пути молодежью, как в Стокгольме. После того как она, к большому разочарованию отца, бросила юридический факультет и начала учебу на социологии, ее не покидало ощущение, что она должна доказать свою способность добиться успеха хоть в чем-нибудь. Даже если она никогда не станет профессором, как ее отец, все же назначение следователем в полицию Ландскруны было шагом вперед. Эушен мог бы даже гордиться своей дочерью. Кроме того, назначение в штат полиции давало ей возможность провести ближайшие полгода в рыбацкой деревушке у пролива Эресунн.

Я бы на тебя обиделась, если бы ты отказалась. Сто пудов даю, что это приведет тебя к чему-нибудь, что заставит меня подыхать от зависти, а главное — мы сможем чаще встречаться, — сказала ей тогда Лиза. Харриет улыбается, думая о своей подруге. Лиза обожает мужчин в форме. Сейчас она живет в Мальме, после продажи своей квартиры в Стокгольме и переезда к мужчине, в высшей степени сомнительному типу, с которым у нее было свидание-марафон длиной в 67 часов во время праздника Середины лета.

Харриет совсем не такая авантюристка, как ее подруга, но смелости ей не занимать, хотя Лервикен для нее отнюдь не новое место. В детстве она проводила здесь каждое лето. В последние годы приезжала реже из-за того, что ее брат Пол каждое лето загромождал дом на десять недель своей женой Ева-Леной и их тремя сыновьями. Проведя однажды драгоценные недели отпуска за перескакиванием через круги для плавания

и надувные детские нарукавники, разбросанные по лужайке у дома, когда ее использовали в качестве няньки, а каждый обед прерывался детскими криками с горшка «я уже, вытирай», Харриет сдалась. Уж больно утомительно быть слабохарактерной добренькой тетушкой, всегда готовой к играм с племянками только потому, что у нее нет бойфренда и постоянной работы.

«Но вот я снова здесь», — думает Харриет. К тому же они с Полом договорились, что было бы неплохо, если бы кто-нибудь пожил у Эушена. Когда возраст отца близится к отметке восемьдесят, кто-то должен быть рядом и присматривать за ним, сказал Пол. И ясное дело, что этим «кто-то» станет Харриет. Сам брат уехал с семьей на Бали, а собаку оставил отцу. Пол всегда так делает, начинает что-то, а потом сматывает удочки.

Я думаю, что домашнее животное — это именно то, что нужно Эушену, чтобы он не чувствовал себя одиноким, — вспоминает Харриет слова Пола, который делал вид, что оставленная отцу овчарка — это признак его сыновней заботы. Когда Пол назвал отца по имени, в ушах Харриет это прозвучало, как эхо голоса его жены. Дело было совсем не в Эушене. Харриет была почти уверена в том, что семья Пола под угрозой развала и уезжает он только для того, чтобы попытаться спасти свой брак. И просто куда-то надо было деть эту невоспитанную овчарку, на которую у них никогда не было времени. Харриет снижает скорость. Она чувствует укол совести за свои подозрения насчет брата. Вообще-то, у него доброе сердце, но иногда ей кажется, что его единственная забота — это Ева-Лена и дети, а свободное время сестры должно быть этому подчинено, просто потому что у нее нет своей семьи.

Харриет сворачивает на улицу рядом с Ратушей и паркует свой «Сааб» возле пиццерии напротив полицейского участка в Ландскруне. Красивые фасады домов постройки конца XIX — начала XX века из датского красного кирпича, троллейбусы, которых больше нет нигде в Швеции, — все это всегда вызывало у нее ощущение экзотики.

Харриет опускает солнцезащитный козырек и смотрит на себя в зеркало. Коричневые локоны запутались, а кончик носа порозовел от ветра. Ей бы хотелось видеть в зеркале лицо более солидное, но тут уж ничем не помочь. Ей скоро 29 лет, а на щеках по-прежнему подростковый пушок, как, впрочем, и на ногах.

Звучит сигнал полученного сообщения, и Харриет небрасывается на мобильный. Это от Лизы.

Добро пожаловать к нам на юг, Харри, успехов на новой работе, скрещиваю пальцы на твою удачу, потому что среди полицейских полно настоящих ханков, они же мачо. Позвони, как только сможешь.

Харриет хихикает. В Лизином представлении полицейский — это крутой парень с татуировками по самые плечи, который всегда ест гамбургеры и без колебаний применяет наручники, в том числе и вне работы. *What's not to love*¹, как сказала бы Лиза. Надо не забыть позвонить ей до возвращения в Лервикен, где мобильный опять попадет в тень радиомачты и потеряет сеть. А пока можно послать сообщение.

Спасибо, ты думаешь, они играют в униформе в флорбол или что они будут играть в этот хоккей с мячом в зале голыми до пояса?

Она знает, что Лиза расхохочется, когда прочтет. Харриет поправляет джинсы и выбирается из машины. А теперь за дело.

Никакого звонка у больших застекленных дверей полиции не обнаружилось. Дрожащей рукой Харриет набирает номер Маргареты. После первого же гудка слышится резкий голос.

— Спустишь сию минуту и открою тебе.

¹ Как можно такое не любить (англ.).

Через несколько секунд сквозь стекло видно женщину среднего возраста в черном. Она выглядела совсем не так, как представляла себе Харриет. Ей-то виделся образ блондинки атлетического телосложения. Маргарета же оказалась высокой, худой, со стрижкой каре. Совершенно не того типа женщина, которая могла бы купить упаковку из двух мазаринеров: одну тарталетку съесть сразу, а вторую отложить на потом, чтоб насладиться их вкусом. Харриет показалось, что она слышит шуршание упаковки от мазаринер-пирожных, которая, как она точно знает, лежит спрятанная в ее сумке после вчерашней дороги в поезде. Маргарета крепко пожимает ей руку, и Харриет отмечает ее ухоженные, хотя и не покрашенные ногти. Она быстро отдергивает руку в надежде, что Маргарета не заметит облупившийся светло-розовый лак на ее ногтях. Лак давно пора было снять, но у Эушена в доме не нашлось ацетона.

— Хорошо, что ты смогла прийти так сразу. После реорганизации кругом царит хаос, вот так и получается. Придется привыкнуть, — быстро говорит Маргарета, шагая впереди Харриет по темному коридору от ресепшена вглубь здания.

— Лена, которая обычно сидит тут на ресепшене, поможет тебе завтра оформить пропуск и все такое, — продолжает она, когда они проходят мимо ее рабочего места. — Но ты можешь ей и напомнить. Она из тех, кто делает ошибки, когда думает.

Харриет не успевает ответить, но отмечает, что экран компьютера у Лены весь облеплен разноцветными стикерами.

— Дежурному поступил звонок — вчера вечером был обнаружен труп, я хочу, чтобы ты присоединилась к расследованию с самого начала, — продолжает Маргарета, не сводя глаз с Харриет. — Людей не хватает, и то, чем раньше занимались в Мальме, перебросили на нас. Случись что-то, мы должны быть готовы. Даже в выходные. Я позвонила еще одному полицейскому, но он сможет подъехать только после ланча.

Они входят в комнату отдыха, где стоят столики из светлой березы и диваны с пестро-лиловой обивкой образца 1990-х годов. Маргарета быстро достает бумажный стаканчик, протягивает второй Харриет, продолжая говорить о новой системе организации полиции. Кофемашина шумит так громко, что Харриет почти не слышит слов Маргареты.

— А ты кто по образованию и кем работала? — спрашивает она, когда аппарат затихает. — Я не участвовала в отборе кандидатов, так что сама рассказывай.

— Я по образованию социологом, социальный работник. Занималась молодежью, семьями в трудных ситуациях, потом множественными преступлениями, — быстро отвечает Харриет, одергивая футболку, которая задралась под курткой-бомбер. Может, надо рассказать, что она изучала и юриспруденцию, а ее папа — профессор гражданского права и имеет некоторое отношение к правовым органам? Это могло бы прозвучать солидно.

Маргарета делает глоток кофе. Когда она пьет, морщинки вокруг ее рта становятся похожими на паучьи лапки.

— Я имела в виду твое прошлое в области следственной работы, в университете не учат раскрытию уголовных преступлений. Ты раньше участвовала в расследовании убийств?

Харриет крутит в руке стаканчик.

— Нет, но я работала следователем почти три года, — выжимает она из себя в конце концов.

И я смелая, наблюдательная и хороший аналитик, хочется ей добавить, потому что именно так говорил ей предыдущий начальник. А это намного важнее юриспруденции.

Мимика Маргареты не выдает ее чувств.

— Пойдем в мой кабинет. Твой еще не готов. Мы отведем отдельную комнату для следствия, если Мальме не заберет это дело себе, но думаю, что вряд ли. Все их ресурсы уходят на расследование перестрелок, — говорит она и идет впереди Харриет дальше по

коридору в сторону единственной двери, за которой виден свет.

Комната просторная. Письменный стол, две книжные полки, заполненные папками, кресло и диван. Над диваном висит картина с изображением цитадели в Ландскруне. Маргарета садится за письменный стол и кивает Харриет на стул, стоящий напротив.

— Мы еще поговорим во время ланча, если успеем, я не сторонница пустой болтовни. Ввожу тебя сразу в курс дела, — продолжает она, включает компьютер и добавляет: — Я не думала, что ты окажешься такой молоденькой.

Харриет закидывает ногу на ногу и опирается на подлокотник. Ей трудно найти удобную позу на этом жестком стуле для посетителей.

— Труп женщины был обнаружен вчера вечером возле одной из усадеб недалеко от Ландскруны. Позвонила женщина из службы ухода на дому. Ей никто не открыл, когда она позвонила у двери, а когда она увидела, что еду со вчерашнего дня никто не забрал и пакет по-прежнему висит на дверной ручке, то забеспокоилась и пошла вокруг дома искать хозяев. Тело хозяйки лежало в пустом хлеву, и судя по всему, смерть наступила в результате избиения. Сейчас там работает судебно-медицинская экспертиза и криминалисты. Я позвонила им и спросила, можем ли мы приехать.

Харриет откашлялась. Они с Маргаретой познакомились всего десять минут назад, а ее уже бросили в самую гущу раскрытия убийства.

— Мы пока ничего не сообщали СМИ, поскольку мужа жертвы еще не поставили в известность о происшедшем. Согласно данным регистрации по месту жительства, он тоже проживает в усадьбе, но его никто не видел. Ему лет семьдесят. Я попросила свидетельницу из службы ухода на дому попридержать язык, хотя бы до понедельника. Важно, чтобы не было утечки информации.

Взгляд Маргареты задерживается на картине, висящей над головой Харриет, пока она продолжает говорить.

— Первые сутки — решающие для поимки преступника. Чаще всего это кто-то из близких людей, а если побои нанесены дома, то в восьмидесяти процентах случаев виновным оказывается муж. Ну ты, разумеется, знакома с этими данными, как и все. Я бы хотела раскрыть это преступление как можно скорее, чтобы никто не успел вмешаться со стороны, — продолжает Маргарета. — Дежурный прокурор выдал ордер на арест мужа, но мы не имеем понятия, где он. На его мобильный было отправлено СМС со скрытого номера, но оно не прошло. Наверное, телефон отключен. Меня бы не удивило, если бы он ударился в панику и уже успел покинуть страну. Дания совсем рядом.

Маргарета открывает ящик письменного стола, достает гигиеническую помаду и смазывает губы.

— Мы его найдем. Мы всегда их находим, — говорит она.

— Что мы знаем о жертве и ее муже? — осторожно спрашивает Харриет.

— Женщине 53 года, не работает. Мужу 72 года, владеет усадьбой с 1982-го. Его доходы за прошлый год доходили до четырех с половиной миллионов крон, а у нее практически никаких. В Швеции у него недвижимости и прочего примерно на 128 миллионов, а усадьба оценивается почти в 75 миллионов крон. Никаких детей или других родственников. — Маргарета замолкает и ставит помаду на стол. — Хорошо, не надо будет их разыскивать.

Харриет отмечает, что на письменном столе Маргареты отсутствуют фотографии детей или внуков, а на ее пальце нет обручального кольца.

— Дважды возбуждалось судебное дело по обвинению супруга в избиении жены, и дважды он был признан виновным. Так что прокурор вполне мог бы выдать ордер на его арест и в его отсутствие, если бы меня кто спросил. Но дежурный прокурор совсем неопытный, — продолжает она. — Леннарт, криминалист технической экспертизы, обещал показать нам место преступления. Он позвонит, как только они закончат с самым главным. Я потребовала, чтобы нас пустили до того, как просо-

чится информация о случившемся. Потом будет просто хаос.

— А где находится эта усадьба? — спрашивает Харриет.

— Отсюда примерно километров десять на север и около километра от побережья. Возле рыбацкого поселка, который называется Лервикен, если ты знакома с этой частью страны.

Харриет поперхнулась кофе и закашлялась.

— Вдоль побережья расположены рыбацкие деревушки, ставшие модными местами отдыха. Лервикен был раньше местом для обычных людей, а теперь там живут сливки общества.

Это не совсем правда, думает Харриет, но презрительное выражение лица Маргареты сбивает ее с мысли.

— Как зовут жертву? — удаётся ей выдать из себя.

— Лаура Андерссон. Жена финансиста Дугласа Андерссона. Он купил усадьбу у дворянского рода, но сам никогда сельским хозяйством не занимался. Земля отдана в аренду.

О черт, она знает, кто такие супруги Андерссон. Все в Лервикене их знают. Харриет видела их много лет назад, но помнит еще по тем временам, когда совсем ребенком проводила там летние месяцы. У них была большая блестящая машина, может быть, «Ягуар», который они ставили у маленькой гостевой гавани, когда спускались по утрам вниз к пляжу в белоснежных купальных халатах, чтобы искупнуться. В деревне про них всегда сплетничали. Лаура была намного моложе Дугласа, у нее были длинные ярко-рыжие волосы и грация, как у кинозвезды. Красивая, загадочная и таинственная. Но ходила она странно, будто повредила ногу.

Резкий звонок прерывает тишину.

— Это криминалисты, они были на месте со вчерашнего вечера, теперь мы можем ехать, — говорит Маргарета и быстро встает. — Когда мы приедем туда, то руководить следствием буду я. Просто хочу тебе напомнить.

Харриет опускает глаза. Что она хочет этим сказать? Думает, что Харриет опростоволосится? Будет вести се-

бя, как вчерашняя студентка, только что получившая диплом, которая бегает вокруг и все время ссылается на то, что она учила в теории? Эушен иногда шутил о своих студентах, которые вели себя именно так. Являются, вырядившись в костюмы, напускают на себя важность, не имея понятия о том, что, по мнению профессора Эушена, уровень их курсовых и статей на самом деле дотягивал лишь до «чуть выше посредственного». Но ее папа был слишком добр, чтобы делать замечания. А вот Маргарета наверняка бы не удержалась. Харриет не стоило рассказывать о том, что у нее высшее образование и что она дочь профессора. Она должна бы понимать, что за этим последует. Нет в полиции таких оперов, которых не раздражало бы, что люди с высшим образованием получают зарплату выше, чем они. А если Харриет еще и скажет, что она из Лервикена, который Маргарета только что заклеимила как место скопления сливок общества, то тогда ее начальница сразу решит, что она избалованная девица, которой никогда не приходилось ни за что бороться.

Как только Маргарета вывела машину с парковки, так сразу приложила к уху телефон. Похоже, она разговаривала с патрульными на месте преступления.

— Черт, как мне надоел этот начальник оперативной службы, — говорит она и кладет трубку. — Я пытаюсь добыть патрульного с собакой, но они сейчас далеко за Улофстремом, где какой-то старик заблудился в выходные.

Харриет устала на свои джинсы. Как сказать Маргарете, что она живет в этой рыбацкой деревне? Она делает глубокий вдох, но Маргарета уже успела позвонить дежурному прокурору

— Мне нужно разрешение на снятие информации с базы сотовой связи, Хенрикехилл 330 градусов.

Она отрывает взгляд от дороги и поворачивается к Харриет.

— Ближайшая вышка, — уточняет она.

Харриет прекрасно знает, что Хенрикехилл — это бывший дворец на холме в нескольких километрах от